

НАВРУЗОВ АМИР РАМАЗАНОВИЧ

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО В РЕЛИГИОЗНОЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДАГЕСТАНА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертационное соискание ученой степени

доктора исторических наук

Казань – 2025

Работа выполнена в Отделе востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Научный консультант:

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, руководитель (директор) Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Официальные оппоненты:

Гусева Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Института гуманитарных наук ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (г. Москва).

Сенюткина Ольга Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и мировой политики ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» (г. Нижний Новгород).

Адыгамов Рамиль Камилевич – доктор исторических наук, доцент, ректор МРО ДОО ВО «Исламский институт имени Мухаммеджана Хусаинова» (г. Москва).

Ведущая организация:

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук (г. Москва).

Защита состоится «18» июня 2025 года в 13:00 часов на заседании Диссертационного совета 72.1.001.01 (Д 022.006.01) по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20.

Электронная версия автореферата и диссертации размещена на официальном сайте Академии наук Республики Татарстан <http://www.antat.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан «____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Р.Р. Саттаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Джадидизм сегодня – одна из наиболее дискуссионных в академическом отношении тем, которая, с одной стороны, активно и много изучается, но, с другой стороны, вызывает множество противоречащих друг другу интерпретаций.

Джадиды выступали за адаптацию ислама к требованиям современности, сохранение исламской духовности в условиях модернизации, внедрение современной науки в традиционное образование, достижение гендерного и национального равноправия, социального равенства. Эти идеи актуальны и сегодня. Они также остаются притягательными и для представителей других конфессий, помимо ислама. Вот почему тема джадидизма привлекает ученых, становится активно обсуждаемой темой различных форумов как способ установления контактов религиозных элит различных регионов, решения проблем между верующими и атеистами, а также как способ преодоления межконфессиональных конфликтов.

Это в полной мере относится и к современному Дагестану. Недостаточная изученность джадидизма Дагестана первой трети XX века ведет к неадекватной оценке процессов, происходящих сегодня в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана, как следствие, к политизации ислама. Она приобретает особую важность на фоне подъема волны салафизма, вызванного процессами реисламизации в России и Дагестане.

Проблема взаимодействия религии и политики тесно связана с вопросами исторического, религиозно-культурного, социального и экономического развития региона. Несмотря на значительный социально-политический и культурно-исторический путь, проделанный Дагестаном в становлении основ светского государства, вопрос взаимоотношений между государством и религией в республике остаётся весьма важным. Учитывая, что в перспективе значимость данного положения будет только возрастать в силу национально-традиционных и религиозных особенностей развития Дагестана, данное диссертационное исследование приобретает особую актуальность для социально-культурного развития, а также предупреждения нежелательных последствий в религиозной жизни республики.

Степень разработанности темы. Исследование джадидизма в советской и российской историографии. В научной литературе, посвященной истории реформаторства в Волго-Уральском регионе, Крыму и Центральной Азии, джадидизм рассматривается как просветительское и общественно-политическое движение, распространенное преимущественно среди тюркских народов Российской империи конца XIX – начала XX века.

Термин «джадидизм» многие исследователи относят к «ал-усул ал-джадид» («новый метод»), основателем которого считается крымский ученый и

просветитель Российской империи Исмаил Гаспринский (1851–1914).¹ Он разработал новую систему преподавания арабского и тюркских языков, в которой внимание уделялось фонетической системе изучения слов, в противовес корневой, что было распространено в традиционной мусульманской школе. С помощью нового метода обучения, учащиеся осваивали материал намного быстрее, чем по старой методике.

Впоследствии термин «джадидизм» приобрел значение реформы системы мусульманского образования. Он подразумевал включение в учебный план мусульманских *мадраса* новых для них дисциплин, таких как география, естествознание, история и математика и т.д. В дальнейшем под термином «джадидизм» стали понимать более широкое движение «мусульманского просветительства», направленное не только на реформу системы образования, но и всего мусульманского общества, стимулировавшее тем самым развитие тюркского национального самосознания и их политическую активность в России.²

Начало изучения истории джадидизма в России было положено в 1920-х гг. Под этим движением понимался постепенный перелом в культурной жизни татар, характеризующийся «умственным пробуждением, толкающим их на сближение с европейской культурой и на переустройство жизни сообразно новым потребностям»³. Начиная с 1930-х гг. джадидизм стал рассматриваться советскими учеными сквозь призму марксистской теории развития общественно-экономических формаций⁴.

Как отмечает Д. Исхаков «вплоть до 1970-х годов в Татарстане понятия «джадидизм», «джадидистское движение» использовались в сугубо классовом смысле, верхний рубеж которых завершился Октябрем 1917 г.»⁵

В послевоенные годы интерес к этой проблематике несколько угас, так как советскими историками и обществоведами ислам воспринимался как чуждый коммунистическим идеям «феодално-клерикальный элемент» и большинство обществоведов, которые писали об исламе, писали с позиции его

¹Усманова Д.М. Личность и наследие Исмаила Гаспринского в татарской эмигрантской прессе 1930-х гг. // Minbar. Islamic Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 516-531.

²Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976; Edward Lazzerini, «Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within», Cahiers du Monde Russe et sovietique 16 (1975), 245-277; Kanlidere, Ahmed. Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movements among the Kazan Tatars. Conciliation or conflict? Conciliation or conflict? Istanbul: Eren Yayincilik Ltd, 1997; Noack, Christian, Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2000.

³Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва, Петроград, 1923. С. 46.

⁴Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Издательство «Безбожник», 1931.

⁵Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Издательство "Иман", 1997. -80 с.

критики⁶. В годы хрущевской «оттепели» ученые пытались пересмотреть суть джадидизма в социалистическом контексте исторических исследований через повторное толкование ислама в качестве конкретного татарского национального культурного наследия, получившего название «мирасизм»⁷. Современные исследователи М. Кемпер и А. Бустанов рассматривают «мирасизм» в качестве интеллектуального движения, в русле которого татарские ученые проявляли растущий интерес к дореволюционной татарской литературе, в том числе к восточным рукописям и архивным источникам⁸. В то же время эти источники советские ученые рассматривали в секуляризованном виде, пренебрегая их религиозным контекстом. В результате такого подхода классические мусульманские ученые-богословы XVIII–XIX вв. стали восприниматься едва ли не как предвестники социалистических преобразований, которые боролись со «средневековым мракобесием». В работе советских исследователей появились такие идеологические штампы как «свободомыслие», «рационализм», «вольнодумие» с одной стороны, и «средневековое мракобесие», «клерикальная верхушка» с другой, причем это было характерно как для исследований по исламу в Поволжье, так и в Дагестане⁹. При таком подходе полностью игнорировался мусульманский контекст дискуссий об исламе в среде татарских и дагестанских ученых-богословов, а джадидизм и предшествующие ему идеи реформы системы мусульманского права и догматики, стал восприниматься как прогрессивное движение, имеющее исключительно светский характер. Так, М.А. Абдуллаев рассматривает дагестанского ученого Мухаммада ал-Кудуки (1652-1717) как «прогрессивного деятеля», развивавшего «рационалистические взгляды», «свободомыслие» и отвергавшего «учение мусульманской ортодоксии о божественном предопределении жизни»¹⁰. Между тем, Мухаммад ал-Кудуки, также как татарский ученый Абд ан-Насир ал-Курсави (1776 - 1812), писали работы исключительно в рамках мусульманской догматики и *фикха*

⁶Kemper, Michael. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923-1933 // Die Welt des Islams. 2009. № 49(1). Pp. 1-48.

⁷Kemper M., Bustanov A. From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage // Islamic authority and the Russian language: studies on texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia / ed. by M. Kemper and A. Bustanov. Amsterdam: Pegasus, 2012. Pp. 29–53. См. также: Бустанов А.К., Кемпер М. Мирасизм в татарской среде // Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука - Восточная литература, 2016. С. 729–745.

⁸Kemper M., Bustanov A. From Mirasism to Euro-Islam. P. 32.

⁹Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: из иджитхада в просвещение // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 128–143; Бустанов А.К., Кемпер М. Мирасизм в татарской среде. С. 729–745; Дюдуаньон С.А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире в Мавераннахре (конец XVIII – начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1996. С. 57–69.

¹⁰Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968. С. 31–32.

(мусульманского права), где призывали вернуться к основным источникам ислама и периоду жизни «праведных предков» (*салаф ас-салихин*). В этом отношении их взгляды были более «фундаменталистскими», чем взгляды «традиционных» мусульманских богословов, следующих за религиозно-правовыми школами (*мазхаб*)¹¹.

Таким образом, с 1930-х по 1980 гг. происходит изучение сущности джадидизма через призму классовых отношений татарского общества. В этот период формируются разные взгляды и оценки сущности джадидизма. Джадидизм рассматривается исследователями как буржуазно-либеральное, буржуазно-националистическое, контрреволюционное, панисламистское¹², пантюристское¹³ и, наконец, просветительское движение.

Новый этап российской историографии в вопросах джадидизма начался в постсоветский период. По определению Д. Исхакова, в 1990-х годах в Татарстане относительно джадидизма фактически произошел возврат к тем определениям, которые бытовали среди татарских интеллектуалов в 1920-х годах. Он предлагает рассматривать джадидизм шире, чем религиозное и просветительское реформаторство и вести отсчет начала этого движения с конца XVIII в.¹⁴

Исследователь джадидизма А.Н. Юзеев, обращаясь к первоисточникам татарских ученых, определил два основных направления развития татарской богословской мысли XVIII–XIX вв.: религиозное реформаторство и просветительство. Представителями первого направления, по мнению автора, являлись ученые конца XVIII – нач. XIX в. А. Утыз-Имяни¹⁵ и А. Курсави. Главная особенность этого направления заключалась в критике существующей традиции следования богословско-правовым школам, обращении к раннему исламу и концепции *иджтихада* вне рамок религиозных школ. Деятельность

¹¹ См.: Шихсаидов А.Р. ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 51–52; Крачковский И.Ю. Дагестан и Йемен // Избр. соч.: в 6 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960. Т. 6. – 739 с.; Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 314–338.

¹² Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М.: Наука, 1987. С. 122; Сеньюткина О.Н. Мусульмане Дагестана и панисламизм (на материалах российских спецслужб рубежа XIX–XX вв.) // Ислам и исламоведение в современной России. Сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума. 2019. С. 45–51; Сеньюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Панисламизм и пантюризм в осмыслении российских чиновников (начало XX века) // Новый исторический вестник. 2019. №2 (60). С. 21–36.

¹³ Баймурзаев А.Б. Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в. Махачкала, 1965. С. 233.; Гусева Ю.Н., Сеньюткина О.Н. «Пантюризм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953) // Российская история. 2023. № 6. С. 122–130.

¹⁴ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма ... С. 10–11.

¹⁵ Абдрахим (Габдрахим) Утыз-Имяни аль Булгари (1752–1836) – татарский учёный, религиозный деятель и просветитель.

же татарского ученого Ш. Марджани автор рассматривает в качестве переходного этапа от религиозного реформаторства к просветительству¹⁶.

Схожего мнения придерживается и российский историк И.Л. Алексеев¹⁷.

Несколько работ, посвященных истории ислама в Поволжье и на Урале, написаны А.Ю. Хабутдиновым¹⁸. Джадидизм онопределяет, как общественное движение российских мусульман, направленное на формирование нации европейского типа.

Проблемам ислама в общественной и политической мысли Татарстана в XX в. посвящена работа Р.М. Мухаметшина¹⁹.

Помимо исследований, посвященных творчеству того или иного ученого²⁰, в последнее время татарскими исследователями издан ряд работ источниковедческого плана. В частности, изданы труды таких богословов и реформаторов как У. Имяни²¹, М. Бигиев²², З. Камали²³, А. Ибрагим²⁴, А. Тубыли²⁵, Х. Фаизханов²⁶, Ш. Марджани²⁷ и др.²⁸

¹⁶Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа. Казань: Татарское кн. изд-во, 2007. С. 59.

¹⁷Алексеев И.Л. Ислам в общественно-политической жизни России (XIX - начало XX в.): Дис. канд. ист. наук / Алексеев Игорь Леонидович. - М.: [б. и.], 2002. С. 5.

¹⁸Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. Нижний Новгород, Москва: Медина, 2010. – 207 с.; *Он же*. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-пресс, 2001. – 383 с.; *Он же*. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени. Татарское кн. изд-во, 2008. – 213 с.

¹⁹Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татарское кн. изд-во, 2005. - 246 с.

²⁰Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань, Фэн, 2005. – 180 с.; Адыгамов Р.К. Габдрахим Утыз-Имяни. Казань, 2005. – 233 с.; Шагавиев Д.А. Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.). Курс лекций. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 168 с.; Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахреддина: источниковая основа и значение свода. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. – 174 с.; Юзеев А.Н., Мухетдинов Д.В. Хусаин Фаизхан – первый татарский просветитель. М., Нижний Новгород, 2011. – 274 с.; Рахимов С. (сост.). Исмаил Гаспринский: историко-документальный сборник. Казань: Жыен, 2006. – 544 с.

²¹Абд ар-Рахим Утыз Имяни. Жемчужины разъяснений / пер. с араб., авт. предисл., заключ. и примеч. Р. Адыгамов. Казань: Иман, 2003. – 64 с.

²²Муса Джаруллах Бигиев. Основы реформ / вступ. ст., пер. с татар. и прим. И.Ф. Гимадеева // Рах Islamica. 2008. №. 1. С. 32–44.

²³Философия ислама. Зыяэтдин Камали / пер., вст. сл., прим. и коммент. Л. Алмазовой. Казань: Татарское кн. изд-во, 2010. Т. 1. Ч. 1. – 319 с.

²⁴Ibrahim, Abd al-Rashid. A Diary from Böğrüdëlik / Introduction, facsimile and the typed Arabic text by Alfrid Bustanov, the modern Tatar translation by Daniyar Gyilmëtdinov. Kazan, 2013.

²⁵Хасавнех А.А. Ахметзян Тубыли. Жизнь и творчество татарского поэта-суфия XIX века. LapLambert Academic Publishing, 2012. – 206 с.

²⁶Хусаин Фаизханов. Реформа медресе (Ислах мадарис). Санкт-Петербург, 1862 г. / пер. И.Ф. Гимадеева // Д.В. Мухетдинов (сост. и отв. ред.). Реформа образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: сборник работ и статей по исламскому образованию. Н. Новгород: Медина, 2008. – 232 с.; См. также: Габделгаллям Фаизханов.

Интересна работа узбекского ученого Б. Бабаджанова, который, проведя анализ каждой статьи, опубликованной в двух номерах джадидского журнала «Хакикат», издаваемого в Ташкенте в 1922 г., убедительно доказывает, что исламский дискурс в риторике джадидов существовал²⁹. Он отмечает, что в Узбекистане изучение джадидизма, в смысле новых подходов, методологии или корректных оценок этого движения еще очень далеко от совершенства и это, прежде всего, касается религиозного контекста джадидизма.

Истории развития просветительства в Туркестане посвящена работа узбекского исследователя З.И. Абдирашидова³⁰.

Работа, посвященная истории общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии, была написана коллективом авторов³¹. Критикуя определения мусульманского реформаторства, представленные А. Халидом и И. Балдауф, за «слишком упрощенное понимание джадидизма», тем не менее, авторы не предложили ничего нового, никакую другую концепцию развития этого движения.

В концептуальном плане работы, касающиеся истории джадидизма в Поволжье и на Урале, отличает то, что ряд исследователей рассматривали джадидизм, игнорируя мусульманский контекст дискуссий в среде татарской мусульманской элиты, равно как и источники, посвященные исламскому дискурсу³². Другие предлагают рассматривать джадидизм в рамках общего движения мусульманского реформаторства, начиная, по крайней мере, с начала

Мухаррик аль-афкар (двигатель мыслей) / пер. с татар. И.Ф. Гимадеев; вступ. ст. Г.С. Закиров; отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: Махинур, 2006. – 64 с.

²⁷Адыгамов Р.К. (перев.) Извлечение вестей о событиях Казани и Булгара III. Марджани. Казань: «Фэн», 2005. – 255 с.; *Марджани III*. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / перев. с араб. яз. Д.А. Шагавиева. Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. – 479 с.; *Марджани III*. Истинное вероубеждение (Хакк ал-акида) / перев. с араб. яз. Д.А. Шагавиева // Минбар. 2009. №3. С. 125–130; Марджани о татар. элите (1789–1889) / пер. со старотатар. и примеч. А.Н. Юзеева и И.Ф. Гимадеева; отв. ред. И.Л. Алексеев. М.: Марджани, 2009. – 128 с.; *Усманова Д. М.* Историко-культурное наследие Шигабутдина Марджани в зеркале татароязычной эмигрантской печати межвоенного периода // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1-2. С. 42-53.

²⁸Усманова Д.М. Мурад Рамзи (1853-1934): биография исламского ученого в свете новых свидетельств // *Эхо веков*. 2019. № 2. С. 93-114.

²⁹Бабаджанов Б.М. Журнал «Haqīqat» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов / ввводная статья, критический обзор и факсимиле Б.М. Бабаджанов. Tokyo: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humantities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo, 2007. – 66 с.

³⁰Абдирашидов З.И. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. Ташкент: «Akademnashr», 2011. – 384 с.

³¹История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) / под ред. Д. Алимовой и И. Багировой. Самарканд: МИЦАИ, 2012. – 335 с.

³²Это больше характерно для работ советского периода, а также некоторых работ современных российских исследователей.

ХІХ в.³³ Третьи более четко разграничивают исламский дискурс и джадидский дискурс, определяя последний как более широкий, включавший в себя ряд направлений (реформу образования, рост национального самосознания, политическую активность татар и т.д.)³⁴ или просветительство от религиозного реформаторства³⁵.

В то же время, большое количество арабографических источников начала XX в., а особенно советского периода, только-только вводятся в научный оборот и не до конца исследованы.

В целом же, наш обзор литературы по Поволжью и Уралу показал, что, несмотря на единое понимание сути реформаторства как хронологическом, так и концептуальном плане, все же здесь картина в этом вопросе более открыта и более разнообразна, чего нельзя сказать по работам, посвященным истории мусульманского реформаторства в Центральной Азии и в Закавказье. В то же время, источники, касающиеся религиозной дискуссии этого периода в вопросах мусульманского права и догматики, то они в Центральной Азии и в Закавказье изучены слабо.

Зарубежная историография о джадидизме. Зарубежными исследователями написано немало работ, посвященных истории реформаторства в мусульманских регионах Российской империи. В их исследованиях джадидизма в последние полвека выделяются следующие темы: империя и мусульманское сопротивление, национализм, исламский дискурс, новометодная школа и сети знания, колониализм и модернизация. Разные методы и подходы, работа с разными источниками определили и разные оценки, и различное отношение к этому движению. Здесь можно отметить два направления: советологическое и ревизионистское.

В своей книге А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже предложили свое видение движения джадидов, которое шло в русле западной советологии времен Холодной войны, которая сводила джадидизм к национальным движениям против гнета Российской империи³⁶.

Несколько работ американского историка Э. Лаззерини посвящены деятельности И. Гаспринского, его влиянию на реформу и развитие системы мусульманского образования в Российской империи, анализу его газеты «Терджиман» (1883–1918), духовному возрождению тюрок в конце XIX –

³³ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма ...; Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-пресс, 2001. – 383 с.

³⁴ Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin: Schwarz, 1998. Pp. 473–474.

³⁵ Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа. Казань: Татарское кн. изд-во, 2007. С. 71.

³⁶ Bennigsen A. and Lemerrier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. New York: Praeger, 1967. Pp. 31–48.

начале XX в.³⁷ Особый интерес представляет другая работа Э. Лаззерины, посвященная переводу очень значимой статьи И. Гаспринского «Первый шаг к цивилизации российских мусульман»³⁸.

Фундаментальная работа, посвященная реформе алфавита, проведенной в имперской России и в СССР до 1937 г., написана Ингеборг Балдауф³⁹. Еще одна ее работа посвящена очень важной, на наш взгляд, теоретической постановке вопроса о джадидизме и мусульманском реформаторстве⁴⁰.

Монография Кристиана Ноака связывает джадидизм с развитием национального самосознания тюрок Волго-Уральского региона во второй половине XIX – нач. XX в.⁴¹

Широкий обзор истории развития джадидизма от присоединения Центральной Азии к Российской империи до установления советской власти дает в своей работе американский исследователь Адиб Халид⁴². К сожалению, обозначив программу джадидов по обновлению общества, Адиб Халид не затронул дискуссии, связанные с мусульманской обрядностью, слабо осветил полемику по богословским вопросам в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в.

Крупная работа, посвященная идентичности мусульман Восточного Закавказья в процессе общественных трансформаций написана Евой-Марией Аух⁴³.

Работы Е.-М. Аух и А. Халида показывают схожесть процессов развития идей джадидизма в Центральной Азии и в мусульманском Закавказье.

³⁷Lazzerini, Edward J. Defining the Orient: A Nineteenth-Century Russo-Tatar Polemic Over Identity and Cultural Representation // Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by Andreas Kappeler, et al. Durham: Duke University Press, 1994. Pp. 33–45; *Он же*. From Bakhchisarai to Bukhara in 1893: Ismail Bey Gasprinskii's Journey to Central Asia // Central Asian Survey. Vol. III. 1984. №. Pp. 77–88; *Он же*. Ismail Bey Gasprinskii's Perevodchik / Tercüman: A Clarion of Modernism // Central Asian Monuments / Ed. by H. B. Paksoy. Istanbul: Isis Press, 1992. Pp. 143–156.

³⁸Lazzerini, Edward J. Ğadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16 (2). Pp. 245–277.

³⁹Baldauf, Ingeborg. Schriftreform und Schriftwechsel bei dem muslimischen Russland und Sowjettürken (1850–1937) // Symptom Ideengeschichtlicher und Kulturpolitischen Entwicklungen. Budapest, «Akademiai Kiado», 1993. – 789 p.

⁴⁰Baldauf, Ingeborg. Jadidism in Central Asia within Reformism and Modernism in the Muslim Word // Die Welt des Islams. 2001. № 41(1). Pp.72–88.

⁴¹Noack, Christian. Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917. Stuttgart: FranzSteinerVerlag, 2000. Pp. 135–217.

⁴²Khalid, Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998.

⁴³Auch, Eva-Maria. Identitätswandel in gesellschaftlichen Transformationsprozessen der muslimischen Ostprovinzen Südkaukasiens (ende 18. - Anfang 20. Jh.) // Beitrag vergleichenden Nationalismusforschung. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2004.

В том же ключе написана работа Тадеуша Свиточовски. Он описывает развитие национальной идентичности в Азербайджане после революции 1905 г. вплоть до установления Советской власти⁴⁴.

На исламский дискурс в среде азербайджанских богословов обратил внимание в своей работе Руфат Саттаров⁴⁵. Он отмечает, что религиозные дебаты подобные тем, которые были в Поволжье, на Северном Кавказе и в Центральной Азии, не были характерны для Азербайджана. Исламский дискурс здесь шелвокруг суннитской или шиитской идентичности.

Важным вкладом в изучение исламского реформизма стал изданный в 2006 г. сборник статей под редакцией Стефана Дюдуаньона, Комацу Хисао и Косуги Ясуши⁴⁶. В сборнике важно отметить статью С. Дюдуаньона, где он прослеживает роль татарского ученого Ризы Фахретдина в развитии идей исламского реформаторства в Волго-Уральском регионе⁴⁷.

Работа турецкого историка А. Канлыдере рассматривает интеллектуальное пробуждение татарских джадидов во второй половине XIX в.⁴⁸

Второе направление зарубежной школы историографии представлено в работах М. Кемпера и Н. Спаннауса.

Например, рассматривая интеллектуальную историю Волго-Уральского региона XVIII–XIX вв., М. Кемпер отмечает, что ученые этого периода писали свои труды в рамках исламского дискурса. В то же время, этот период, согласно М. Кемперу, знаменует собой начало возникновения джадидского дискурса в России, представители которого имели несколько иные цели, задачи и идеи⁴⁹. Он считает, что участники исламского дискурса создали свой идеал мусульманского общества и этот идеал был направлен не в будущее, как призывали джадиды, а в прошлое, в период раннего ислама⁵⁰. По его мнению, исламский дискурс XVIII–XIX вв. по своему содержанию существенно

⁴⁴Swietochowski, Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1985.

⁴⁵Sattarov R. Islam, State, and Society in Independent Azerbaijan. Between Historical Legacy and Post-Soviet Reality (with special reference to Baku and its environs). Wiesbaden: Reichert, 2009.

⁴⁶Dudoignon Stephane A., Hisao Komatsu, Yasushi Kosugi (eds.) Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation and Communication. London and New York: Routledge, 2006.

⁴⁷Dudoignon Stephane A. Echoes to Al-Manar among the Muslims of the Russian Empire: A Preliminary Research Note on Riza ad-Din b. Fakhr ad-Din and the Šura (1908-1918) // Stephane A. Dudoignon, Komatsu Hisao, Kosugi Yasushi (eds.) Intellectuals in the Modern Islamic World: Transmission, Transformation and Communication, 2006). Pp. 85–116.

⁴⁸Kanlidere, Ahmet. Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movement Among the Kazan Tatars (1809–1917). İstanbul: Eren, 1998.

⁴⁹Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin: Schwarz, 1998. Pp. 473–474.

⁵⁰Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien... Pp. 473–474; Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 24.

отличался от более позднего, джадидского, дискурса рубежа XIX–XX вв.⁵¹ Рассматривая джадидизм как духовную открытость европейской системе просвещения, секулярного движения мусульманской интеллигенции, что способствовало созданию национальной прессы, литературы, драматургии и т.д., М. Кемпер определяет его как более широкий дискурс, выраженный больше в европейских формах и носящий секулярный характер. Исламский же дискурс, по его мнению, определяется исключительно религиозной направленностью⁵².

В работе американского исследователя Н. Спаннауса⁵³ также рассматриваются вопросы исламского реформизма на основе работ татарского ученого ал-Курсави. Как и М. Кемпер, автор приходит к выводу, что идеи ал-Курсави основывались на классической исламской традиции и не были подвержены европейскому влиянию, как это произошло с джадидами.

Важным вкладом в изучение джадидизма стал тематический выпуск журнала⁵⁴, посвященный критике устоявшихся нарративов в отношении джадидизма и исламского реформизма. Во вступительной статье к этому сборнику Дж. Иден, П. Сартори и Д. ДеВиз поднимают проблему терминологии и концептуальные рамки в изучении джадидизма. Рассмотрев различные определения джадидизма в существующих исследованиях, авторы сосредотачиваются на нескольких ревизионистских тезисах, в рамках которых необходимо развивать будущие исследования джадидизма. В частности, они утверждают, что джадидизм не был новым явлением, а отражал ряд интеллектуальных и культурных практик, тесно связанных с исламским дискурсом – о чем ранее уже писали М. Кемпер и Н. Спаннаус. Кроме того, они ставят под сомнение интерпретационную ценность преобладающей терминологии джадидских исследований, включая «исламский модернизм», альтернативу «традиционализму» и даже само понятие «джадидизм»⁵⁵.

В рамках такого ревизионистского подхода джадидизм рассматривает и американская исследовательница Д. Росс⁵⁶.

Таким образом, в зарубежной историографии истории ислама в СССР можно выделить две противоположные точки зрения на джадидизм. Адиб Халид утверждает, что деятельность ранних советских джадидов впоследствии привела к секуляризации общества и изменению идентичности мусульман с исламской на национальную. В то же время он отмечает, что ислам в этих

⁵¹ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане... . С. 11.

⁵² Там же. С. 28.

⁵³ Spannaus, Nathan. Preserving Islamic Tradition Abu Nasr Qursawi and the Beginnings of Modern Reformism (Oxford: Oxford University Press, 2019).

⁵⁴ Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. Vol. 59 (1-2).

⁵⁵ Eden Jeff, Sartori Paolo, DeWeese Devin. Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th-20th Centuries) // Journal of the Economic and Social History of the Orient (JESHO). 2016. Vol. 59. Pp. 1–36.

⁵⁶ Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020.

условиях был маргинализирован и не играл важной роли в культурной жизни мусульман. Д. ДеВиз и П. Сартори, напротив, считают самих джадидов маргинальными, утверждая, что ислам не был вытеснен советскими преобразованиями в обществе и продолжил те же традиции, которые были характерны для досоветской эпохи⁵⁷.

Изучение джадидизма в Дагестане. Первым тему джадидизма в Дагестане затронул дагестанский философ и общественник М.А. Абдуллаев. Среди работ, специально посвященных Али Каяеву, которые он издал совместно с Ю.В. Меджидовым, следует отметить монографию, которая выдержала два издания⁵⁸. Несмотря на советские идеологические штампы авторов, эти издания являются едва ли не самыми первыми работами, посвященными деятельности дагестанского мусульманского реформаторства.⁵⁹

Очень важными, на наш взгляд, являются источники, введенные в научный оборот дагестанским тюркологом Г.М.-Р. Оразаевым⁶⁰.

Новый этап дагестанской историографии джадидизма начался в постсоветский период, когда джадидизм был охарактеризован как религиозное реформаторство и просветительство. К этой теме обратился ряд дагестанских исследователей. Одной из таких работ является небольшая по объему статья А.Г. Гаджиева⁶¹.

Статья А.-К.Ю. Абдуллатипова характеризует Абусуфьяна Акаева как «реформатора образования, основателя новометодного обучения в Дагестане и на Северном Кавказе»⁶².

Работа К.М.-С. Алиева посвящена роли дагестанского ученого и просветителя А. Акаева в развитии идей джадидизма в Дагестане⁶³.

⁵⁷ Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р. Зарубежная историография о джадидизме // Ориенталистика. 2024. № 7(1). С. 9–26.

⁵⁸ Абдуллаев М.А., Меджидов Ю.В. Али Каяев. Жизненный путь, естеств.-научн. и обществ.-полит. воззрения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. - 182 с.; Абдуллаев М.А., Меджидов Ю.В. Али Каяев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. 2-е изд. – 416 с.

⁵⁹ Более подробно об этом см.: Бустанов А.К., Кемпер М. Мирасизм в татарской среде // Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б.Пиотровский, А.К.Аликберов. М.: Наука - Восточная литература, 2016. С. 729–745; Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: из иджитихада в просвещение // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. №2. С. 128–143.

⁶⁰ Акаев Абусуфиян. Пайхамарны ёлу булан («Тропой пророка») / Сост. кн., автор предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. Гасан Оразаев. Кн. 1. Махачкала, 1992; ... Кн. 2. Махачкала, 1997; ... Кн. 3. Махачкала, 2010; Кн. 4. Махачкала, 2021;

⁶¹ Гаджиев А.-Г.С. Джадидизм в Дагестане // Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность / сост. и науч. ред. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2015.

⁶² Абдуллатипов А.-К.Ю. Акаев А. – крупнейший деятель просветительского движения 1-й трети XX в. (Историография изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) // Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность. С. 26–42.

⁶³ Алиев К.М.-С. Идеиное наследие А. Акаева и современность // Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность. С. 9–15.

Вопросам, обсуждаемым мусульманскими реформаторами в джадидской газете «Джаридат Дагистан» (1913–1918), посвящено исследование А.Р. Наврузова⁶⁴. Им также написан ряд других работ по данной теме.

Стоит отметить статью С.Б. Манышева, посвященную джадидизму в Дагестане⁶⁵.

Говоря о работах, посвященных исламскому образованию в Дагестане в советский и постсоветский периоды, необходимо отметить совместную работу В.О. Бобровникова, А.Р. Наврузова и Ш.Ш. Шихалиева⁶⁶.

Работа А.А. Ярлыкапова знакомит с методами обучения и пропагандой идей джадидизма в северокавказских медресе в деятельности А. Акаева в Дагестане в начале XX в.⁶⁷ Другая его статья посвящена истории мусульманского образования на Кавказе⁶⁸.

Проблеме мусульманского образования посвящена работа М.А. Мусаевым⁶⁹.

Мусульманской духовной элите в системе государственно-конфессиональных отношений в советский период посвящена работа И.Х. Сулаева⁷⁰. В целом, она довольно подробно отражает политику советского правительства в отношении ислама, но не раскрывает суть того, как сами мусульмане воспринимали эту власть, какие дискуссии шли в среде мусульманских интеллектуалов и как они адаптировались в новых социальных условиях⁷¹.

⁶⁴ Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Марджани, 2012. – 240 с.

⁶⁵ Манышев С.Б. Новометодное движение есть проявление здорового культурного подъема русских мусульман // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев. [Электронный ресурс] М., 2012.

⁶⁶ Bobrovnikov V.O., Nauruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan // Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States / Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. Routledge: London and New York, 2010. Pp. 107–167.

⁶⁷ Ярлыкапов А.А. Методы обучения и пропаганде идей джадидизма в северокавказских медресе в деятельности А. Акаева (нач. XX в.) // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность. С. 59–63.

⁶⁸ Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. 2003. № 2 (21). С. 17.

⁶⁹ Мусаев М.А. Традиционная система мусульманского образования в Дагестане и её критика джадидами // Алмазова Л.И., Хайрутдинов А.Г. (ред.). Шигабутдин Марджани: Наследие и современность. Сборник статей. Казань, 2008. С. 240–252.

⁷⁰ Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991). Махачкала, 2009. – 385 с.

⁷¹ См. также: Сенюткина О.Н. Отношение российских мусульманских богословов к власти в начале XX в. // В сборнике: Духовное наследие мусульманских богословов в контексте проблем XXI века. Материалы II Международной научно-образовательной конференции. Махачкала, 2021. С. 246–249; Сенюткина О.Н. Российская имперская власть и мусульмане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 1. С. 164–175.; Сенюткина О.Н. Архивные документы по истории

Оригинальностью угла зрения отличается работа З.М. Абдулагатова, посвященная сравнительному анализу джадидизма с ваххабизмом⁷². Тонко проследив отрицание последователями этих двух течений следования *мазхабам (таклид)*, автор точно подметил, что в обоих этих течениях можно усмотреть фундаменталистские идеи.

Деятельности египетских и дагестанских реформаторов в контексте развития ваххабизма посвящена диссертация А.А. Мантаева⁷³. Автор в работе неправомочно причислил к ваххабитам египетских реформаторов – Джамалуддина ал-Афгани⁷⁴, Мухаммада Абдо, Рашида Рида, равно как и дагестанского сторонника египетской модели реформаторства – Али Каяева. Вместе с тем, он ввел в научный оборот оригинальные арабоязычные источники, показывающие, что исламский дискурс в среде мусульманской элиты не прекращался весь советский период.

Среди работ В.О. Бобровникова есть энциклопедическая статья, посвященная биографии А. Каяева⁷⁵. В ней исследователь кратко, насколько это позволял формат словаря, обозначил биографию и основные труды Али Каяева. Специальную статью ученому-богослову и джадиду А. Каяеву посвятил московский исследователь М. Роцин⁷⁶.

Отдельные работы, посвященные национальной кумыкской литературе (в рамках которой развивалась в том числе и джадидская публицистика), были написаны М.А. Гусейновым⁷⁷ и А.Т. Акамовым⁷⁸. Любопытно, что в художественной литературной традиции Дагестана можно встретить общие черты с национальной литературой народов Поволжья, что отмечал в своей

взаимоотношений государственной власти и мусульманского сообщества на примере 25-летнего юбилея служения муфтия М.М. Султанова (1911 г.) // Отечественные архивы. 2022. № 6. С. 50-58.

⁷²Абдулагатов З.М. Ваххабизм и джадидизм в дагестанском исламском сознании: параллели и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №6(48). С. 108–120.

⁷³Мантаев А.А. «Ваххабизм» и политическая ситуация в Дагестане. Дисс... на соис. уч. степ. канд. полит. наук. М., 2002. – 233 с.

⁷⁴Сенюткина О.Н. Джамаль ад-дин ал-Афгани: исторический процесс в оптике мусульманского богослова // Богословское наследие мусульман России. Сборник научных докладов III Международного форума. Болгар, 2022. С. 381-386.

⁷⁵Бобровников В.О. Каяев, Али // Ислам на территории бывшей российской Империи / под ред. С.М. Прозорова. М., 1999. С. 70–72.

⁷⁶Роцин М.Ю. Али Каяев – мусульманский просветитель и реформатор Дагестана // Расы и народы. М., 2006. Вып. 31. С. 163–169.

⁷⁷Гусейнов М.А. Проза кумыков в художественно-стилевом освещении (1920–1940-е гг.). Махачкала, 2006; Гусейнов М.А. Национальная литература кумыков 1920-1930-х годов: (поэзия, драматургия, критика). Махачкала, 2009; Гусейнов М.А. Национальная литература кумыков (вторая половина XIX – начало XX века). Махачкала, 2012.

⁷⁸Акамов А.Т. Духовная литература кумыков (XVII – начало XX). Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. – 322 с.

работе С.Х. Акбиев⁷⁹.

Следует отметить, что до последнего времени, фактически никто не обращался к источникам, написанным представителями мусульманской элиты, равно как не ставил перед собой цель изучить историю реформаторства в Дагестане. Исключением в этом плане являются работы Ш.Ш. Шихалиева⁸⁰, а также его статьи, написанные в соавторстве с европейскими исследователями М. Кемпером⁸¹ и Ребекой Гулд⁸². В другой работе Ш.Ш. Шихалиев⁸³ дан анализ дискуссий о суфизме между представителями различных течений в Дагестане – суфийскими шейхами, с одной стороны, и лидерами исламских реформаторов, с другой.

Ш.Ш. Шихалиев ввел в научный оборот важные новые арабоязычные источники⁸⁴. Работы Ш.Ш. Шихалиева отличаются глубиной анализа источников по теме исследования и теоретической разработкой многих вопросов мусульманского реформаторства в регионе. Однако исключительное внимание он уделяет только арабским источникам, меньше внимания уделяя русскоязычным.

⁷⁹ Акбиев С.Х. Дагестанско-татарские литературные связи XIX – начала XX века (проблема сравнительно-исторического изучения). Автореф. дисс... д-ра филолог. наук. Алма-Ата, 1989.

⁸⁰ Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. // МавраевЪ. 2015. №1(16). С. 27–31. Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169. Shamil Shikhaliev. Taqlīd and Ijtihād over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1700s-1920s. Published online by Cambridge University Press // Paolo Sartori, Danielle Ross (eds), Shari‘a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917. Edinburg University Press, 2020. Pp. 239–280.

⁸¹ Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XXв. как разновидность джадидизма // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность. С. 52–58. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // Asiatische Studien – Études Asiatiques. 2015. 69(3). Pp. 593–624; Кемпер М., Шихалиев Ш. Кадимитская и джадидитская системы образования в Дагестане: взгляд на систему преподавания арабского языка и ислама в XX в. // Восток (Oriens). 2018. №6. С. 105–123.

⁸² Shikhaliev Sh., Gould R. Beyond the Taqlīd / Ijtihād Dichotomy: Daghestani Legal Thought under Russian Rule // Islamic Law and Society. 2017. № 24 (1–2). Pp. 142–169.

⁸³ Шихалиев Ш.Ш. Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе // История, археология и этнография Кавказа. 2022. №18(2). С. 323–345.

⁸⁴ Шихалиев Ш.Ш. Правовые заключения Хасана ал-Кадари в его сочинении «Джираб ал-Мамнун» (пер. с араб. и коммент. Ш.Ш. Шихалиева // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 167–185. Шихалиев Ш.Ш. Полемика между Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгути // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия. С.186–226. Шихалиев Ш.Ш. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» ‘Абд ал-Хафиза Охлинского // Дагестан и мусульманский Восток / Отв. ред. и сост.: А.К. Аликберов и В.О. Бобровников. М.: «Издательский дом Марджани», 2010. С. 324–340.

М.Г. Шехмагомедов в своей статье⁸⁵ раскрывает содержание внутрисуфийской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств.

История мусульманского реформаторства в Дагестане остается недостаточно изученной. Имеется небольшое количество исследований, посвященных этому вопросу. Среди них можно отметить статьи, связанные с деятельностью реформаторов: об истории развития системы образования в Дагестане, открытии типографии, роли дагестанской мусульманской элиты в конкретных исторических процессах, а также отдельным их представителям – ученым-богословам, мударрисам, шейхам⁸⁶. Однако биографии этих ученых рассматривались изолированно или в общем контексте развития определенных жанров дагестанской литературы, но не в контексте реформаторского движения на Кавказе⁸⁷. Комплексной и обобщающей работы, посвященной истории мусульманского реформаторства в Дагестане, к настоящему времени еще нет.

Работы, посвященные истории джадидизма и мусульманского реформаторства в Дагестане, в целом не отличаются разнообразием методологических подходов. Некоторые из них повторяют теории развития джадидизма историографии XX в. Другим свойственна ущербная источниковая база, узость взгляда, отсутствие сравнительного анализа и иные недочеты.

Для выявления объективной картины распространения идей мусульманского реформаторства в среде дагестанской мусульманской элиты первой трети XX в. необходимо взглянуть на эту проблему с точки зрения современных подходов. Необходимо взглянуть на проблему изнутри, сквозь призму собственно мусульманских теорий и концепций, опираясь на то, что говорили и писали сами реформаторы. Для решения этой задачи в работе

⁸⁵Шехмагомедов М.Г. Критика лжешейхства в Дагестане в конце XIX – начале XX в. (на примере сочинения Хасана Хильми «ад-Дурра ал-байда' фи радд ал-бида' ва-л-ахва'») // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 558–567.

⁸⁶Шихсаидов А.Р. (сост. и отв. ред.). Историко-литературное наследие Хасана Алкадари. Махачкала, 1988; Шихсаидов А.Р. (сост. и отв. ред.). Гасан Алкадари. Ученый, поэт, просветитель. Сборник научных трудов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 220 с.; Шихсаидов А.Р. ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 51–52; Шихсаидов А.Р. Ал-Алкадари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 8–9; Шихсаидов А.Р. Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVII–XIX вв. Махачкала, 1989. С. 5–14; Шихсаидов А.Р., Кемпер М., Бустанов А.К. (пер. с араб., коммент., указ. и библиогр.) Назир ад-Дургили. Усила умов в биографиях дагестанских ученых. М.: Марджани, 2012. – 208 с.; Мусаев М.А. Мусульманское духовенство и восстание 1877 г. в Дагестане. Махачкала: Изд-во Дагестанского науч. центра РАН, 2005. – 153 с.; Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003.

⁸⁷Мухаммад Саид б. Джамалуддин. Тарих ал-адаб ал-арабийяа фи Дагистан. Нушира фи маджаллат куллийат ал-адаб. ал-адад 6, сана 1963. - 14 с.; Мусаев М.А. Материалы к биографии Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки (часть первая) // Вестник Института ИАЭ. 2014. С. №3. С. 61–70 и др.

вводится в научный оборот и исследуется большое количество местных оригинальных источников на арабском языке.

В работах дагестанских философов и обществоведов многие сложные вопросы религиозного характера изложены бегло и поверхностно, с большим количеством фактологических ошибок. Именно обилие фактологических ошибок, отсутствие анализа первоисточников, написанных самими джадидами и их оппонентами, игнорирование автохтонных источников описываемых событий, употребление одних и тех же оценок применительно к более чем двухсотлетнему периоду развития мусульманской литературы и науки и идеологические штампы не позволяют нам сколько-нибудь серьезно относиться к такого рода работам. Тем не менее, эти работы также внесли свой вклад в историографию этого вопроса, пусть даже они были большей частью написаны по единому шаблону и являются в некоторой степени отражением взглядов авторов этих работ, нежели богословов, о которых они писали. Они являются вехой развития исследований об исламе в советский и постсоветский периоды интересны сами по себе как источники.

В исследовании мусульманского реформаторства и джадидизма можно выделить следующие основные концепции:

1. Мусульманское реформаторство есть совокупность идей, охватывающих такие вопросы, как реформа *фикха*, догматики, реформы в политической и социальных сферах, то есть фактически все сферы деятельности. При этом сам джадидизм – это движение за реформу мусульманского образования и является составной частью более широкого понятия мусульманского реформаторства⁸⁸.

2. Джадидизм – это общественное движение в сфере культуры, направленное на реформу образования, которое в дальнейшем развилось в национальное самосознание и политическую активность мусульман, при этом мусульманское реформаторство в сфере догматики и *фикха* предшествовало идеям джадидизма. Иными словами, принципиально важно учитывать разграничение понятий «религиозное реформаторство» и «джадидизм», который начал развиваться на основах первого. То есть, что мусульманское реформаторство есть форма изменения и переосмысления некоторых вопросов, касающихся сферы мусульманской догматики и права, и оно не может быть отождествлено с джадидизмом, хотя последний развивался, в том числе, и на его основе⁸⁹.

3. Джадидизм включает в себя весь комплекс вопросов, касающихся реформы системы мусульманского права и догматики; реформы системы

⁸⁸Rahman, F. Islamic Modernism: Its Scope, Method and Alternatives // International Journal of Middle East Studies. 1970. Vol. 1(04). Pp. 317–333.

⁸⁹Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin: Schwarz, 1998; Christian N. Muslimischer Nationalismus im russischen Reich: Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren: 1861–1917. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000; Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа. С. 131. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль. Казань, 2012.

мусульманского образования; «нациестроительства» или национальной идентичности; реформы в культурной и социальной жизни мусульманского населения; приобщения к «европейской системе ценностей»; либерализма; политической деятельности мусульман⁹⁰.

4. Джадидизм – это татарская форма модернизма, несколько секулярная в своей основе, которая направлена на развитие экономических, культурных, этнополитических отношений, при этом мусульманское реформаторство также нацелено на секуляризацию общества и тесно переплетено с джадидизмом⁹¹.

5. Джадидизм – это формирование новой интеллектуальной элиты с новым культурным капиталом, деятельность которой была направлена на реформы в сфере культуры и политики, но не в вопросах мусульманской догматики и *фикха*⁹².

6. Некоторые исследователи (Дж. Иден, П. Сартори и Д. ДеВиз) поднимают проблему терминологии и подвергают критике устоявшиеся нарративы в отношении джадидизма и исламского реформизма. Они утверждают, что джадидизм не был новым явлением, а отражал ряд интеллектуальных и культурных практик, тесно связанных с исламским дискурсом. Они также ставят под сомнение интерпретационную ценность преобладающей терминологии джадидских исследований, включая «исламский модернизм», альтернативу «традиционализму» и даже сам «джадидизм»⁹³.

Таким образом, мы видим разные определения терминов «джадидизм» и «мусульманское реформаторство». Столь разная концептуализация этих понятий связана, как мы говорили выше, с различными подходами и репрезентативностью источников. Кроме того, в определении этих понятий наблюдается некая попытка экстраполяции или проекции на процессы, происходящие в мусульманском обществе, явлений, понятий, символов или терминов, не свойственных мусульманской системе оценок и объяснений. Большинству исследователей, которые рассматривают джадидизм с точки зрения религиозного реформаторства, свойственно объяснять феномен джадидизма и мусульманские дискуссии с точки зрения терминологии и понятийного аппарата европейской, в данном случае, российской, науки.

⁹⁰Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма...; Хабутдинов А.Ю. Формирование нации...; *Kanlidere, Ahmet*. Reform within Islam: The Taidid and Jadid Movement Among the Kazan Tatars (1809–1917). İstanbul: Eren, 1998; *Lazzerini, Edward*. «Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within» // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1975. Vol. 16 (2). Pp. 245–277.

⁹¹Более подробно об этом см.: Алмазова Л.И. К вопросу о релевантности термина «джадидизм» в отношении татарской религиозно-философской мысли начала XX века // Шигабудинов Марджани: наследие и современность. Казань: Алма-Лит, 2008. С. 268–278.

⁹²*Khalid, Adeb*. The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998. Критику взглядов А. Халида см.: Бабаджанов Б.М. Журнал «*Haqīqat*» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов.

⁹³*DeWeese D*. It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. Vol. 59. Pp. 37–92.

Например, неоправданное использование таких терминов как «светские» и «религиозные» науки, или определений «религиозные и рациональные науки» («*улум ан-наклийя*⁹⁴ *ва-л-‘аклиййа*⁹⁵»), которые в мусульманском значении имеют совершенно иное значение. Отсюда и неправильные оценки в деятельности некоторых реформаторов, попытка объяснить их деятельность как некую форму адаптации к европейской культуре, к европейской системе ценностей и как процесс секуляризации общества. Несомненно, в некоторых регионах деятельность ряда джадидов предполагала такую форму секуляризма и привела к ней. Однако, это было свойственно не джадидизму в целом, а конкретному проявлению этого движения в отдельно взятом регионе отдельными его представителями.

Выработать единое определение, единое понятие джадидизма или мусульманского реформаторства невозможно. В каждом регионе, в разный исторический промежуток времени реформаторство имело свои корни, свои условия развития, своих интеллектуалов с разным культурным и мировоззренческим капиталом. Все это и обусловило разное проявление сути религиозного реформаторства. Кроме того, на наш взгляд, еще одной ошибкой ряда исследователей является неправомерное и неоправданно широкое использование термина «джадидизм» для обозначения всего комплекса процессов, происходивших в мусульманском обществе России в XVIII–XX вв.⁹⁶

Обзор историографии развития джадидизма и мусульманского реформаторства в Поволжье, Центральной Азии, Закавказье и изучение арабоязычных источников Северо-Восточного Кавказа позволил нам согласиться с выводом ряда западных ученых, которые говорили не о джадидизме в Российской империи, а о его разных формах. Хотя в дагестанских источниках упоминается термин «*усул-и-джадид*», равно как и то, что египетских реформаторов и их дагестанских последователей в местных источниках называют «джадидами», все же содержание этого термина применительно к Дагестану имеет свои особенности, которые следует оговорить специально. Здесь мы можем говорить о сосуществовании в дагестанском реформаторстве одновременно элементов мусульманского реформаторства и джадидизма. Обсуждение разных вопросов реформаторами в Дагестане шло исключительно в рамках мусульманской богословской традиции, со свойственной исламу дискурсу системой определений,

⁹⁴«*Ал-‘улум наклиййа*» или «*наклиййат*» или «*ал-‘улум аш-шар‘иййа*» – традиционные или религиозные (шариатские) науки, связанные с изучением Корана, *тафсира*, Сунны, *фикха*, догматики.

⁹⁵«*Ал-‘улум аклиййа*» или «*аклиййат*» – рационалистические (рациональные) науки, помогающие понять Коран и Сунну. К ним относятся естественные науки, грамматика арабского языка, логика, риторика, стилистика и др. Перечень этих наук, согласно шариату, может расширяться по мере развития научного знания.

⁹⁶*Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш.* Историография и источниковедение джадидизма в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. №2. С. 228–242.

символов, образов и понятий. Они апеллировали к чистоте первых трех веков ислама, когда мусульманское общество было на пике своего развития. Вопреки тому, что пишет о дагестанских реформаторах советская и современная историография, они не были сторонниками секуляризации общества, не призывали к адаптации и восприятию европейской культуры. В этой части мы наблюдаем элементы мусульманского реформаторства. Но поскольку становление и развитие дагестанского реформаторства происходило в индустриальный период и особенно, когда реформаторы дискутировали по вопросам формы государственного устройства и управления в Дагестане; становления и развития национальной истории, языков, культурных традиций и литератур – здесь мы в полной мере видим в идеях дагестанских реформаторов элементы джадидизма. Как писал М. Кемпер, некоторые элементы исламского дискурса XVIII–XIX вв. были восприняты новым джадидским дискурсом⁹⁷, что мы и наблюдаем среди дагестанских реформаторов, которые, как и джадиды, в своей деятельности, в целом, были ориентированы в будущее. Мы считаем мусульманское реформаторство Дагестана первой трети XX в. одной из форм или разновидностей джадидизма XX в.

Сравнивая движение мусульманских реформаторов Дагестана и джадидов Поволжья⁹⁸ можно отметить ряд сходств в идеях дагестанцев ал-Кудуки, ал-Гумуки и татар ал-Курсави, ал-Марджани, которые выступали со схожими идеями *иджтихада*. Вместе с тем, несмотря на некоторые контакты дагестанских реформаторов и джадидов Поволжья начала XX в. и некоторые сходства идей в вопросах реформы образования, все же реформаторство в Дагестане и джадидизм в Поволжье начала XX в. были разными.

Источниковая база исследования. Данное исследование написано на основе изучения источников на арабском и дагестанских языках. Большинство из них сосредоточено в Научном архиве (и Фонде восточных рукописей Института истории археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, частных и мечетских рукописных собраниях, а также материалах археографических экспедиций, собранных сотрудниками отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН в различных районах Республики Дагестан. Общее количество источников и литературы составляет 717 единиц. Из них источники – 419 единиц, в том числе

⁹⁷Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. С.28. См. также: Бабаджанов Б.М. Журнал «Ҳақиқат» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. С. 12.

⁹⁸Под «джадидизмом» в Поволжье мы понимаем комплекс вопросов национального, общественно-экономического и политического характера, имеющий в своей основе европейский элемент и европейскую направленность; движение, направленное на адаптацию под европейское общество с заимствованием европейских систем и институтов. Не игнорируя целый пласт исследований этого движения, мы в данном случае исходим из того, какую семантическую нагрузку несет этот термин в научной литературе.

арабоязычная реформаторская пресса: газета «Джаридат Дагестан» (Газета Дагестан) (1913–1918) – 312, статьи арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик» (Разъяснение [шариатских] истин) (1925–1928) – 43; рукописи на арабском языке, хранящиеся в частных архивах и библиотеках, а также книги на арабском, турецком и дагестанских языках – 64. Диссертант является автором переводов этих источников. Использованная литература, в том числе на иностранных языках (английском, немецком), составляет 298 единиц.

Объект и хронологические рамки исследования – мусульманское просветительство в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана первой трети XX века.

Территориальными рамками исследования является Дагестан⁹⁹. Вместе с тем автор для сравнительного анализа и более полного исследования проблемы реформы исламского образования и адатов обращается к документам Северо-Кавказского региона (Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Притеречье, Ставрополье, Адыгея, Кубань).

Научной проблемой является противоречие между достигнутым уровнем знаний о мусульманском просветительстве в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана первой трети XX века и потребностью развития этих знаний на основе современной методологии исторического познания и новых источников по теме исследования.

Предмет исследования – формы и методы мусульманского просветительства как идеологии дагестанского реформаторства.

Цель исследования – особенности мусульманского просветительства в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана первой трети XX века. Реализация **цели** исследования предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- ввести в научный оборот новые и проанализировать опубликованные арабоязычные источники по истории мусульманского реформаторства Дагестана первой трети XX в.

- выявить причины и предпосылки зарождения и распространения мусульманского реформаторства в Дагестане в первой трети XX в.

- охарактеризовать модернизаторскую и просветительскую сущность дагестанского реформаторства данного периода, нацеленную на достижение общественного прогресса в различных областях (наука, культура, национальная история, язык, литература и пр.);

- обобщить деятельность дагестанских реформаторов в вопросе взаимодействия с имперской и советской властями;

- проанализировать вопросы *иджтихада* и *таклида*, а также правовые и богословские аспекты мусульманского просветительства в Дагестане в

⁹⁹В работе под Дагестаном рассматривается территория в рамках административно-территориального деления Дагестанской области до 1921 г. (в этот год к Дагестану были присоединены территории севернее реки Сулак, ранее не входившие в состав Дагестанской области).

изучаемый период; вопросы соблюдения адатных норм, положения женщины-мусульманки;

- определить отношение дагестанских реформаторов к суфизму;
- установить принципиальное расхождение и пересечение отдельных установок регионального реформаторства и ваххабизма;
- выявить преемственность просветительской деятельности дагестанских реформаторов;
- дать оценку вкладу дагестанских реформаторов первой трети XX в. в исламскую историографию Дагестана.

Научная новизна. С привлечением новых, а также анализа уже введенных в научный оборот первоисточников на восточных (арабском) и дагестанских языках и литературы в исследовании впервые дана комплексная и обобщающая характеристика мусульманского реформаторства Дагестана первой трети XX в. как одной из форм джадидизма на мусульманских окраинах России.

- на основе анализа материалов прессы, рукописей, переписки дагестанских ученых и другой литературы выявлено, что дагестанские реформаторы разработали концепцию нового восприятия и развития ислама для мирной адаптации мусульман Дагестана в составе России в позднеимперский и раннесоветский периоды.

- установлено, что мусульманское реформаторство Дагестана имело просветительский характер: проведена комплексная реконструкция и анализ реформы исламского образования, установлены богословские и правовые аспекты мусульманского просветительства, обобщена практика эмансипации женщин, определена политика дагестанских реформаторов в отношении устаревших адатов.

- определено, что в качестве приоритетов развития для дагестанских реформаторов было достижение общественного прогресса в науке, культуре, изучении национальной истории, языков и литератур.

- определен вклад дагестанских реформаторов изучаемого исторического периода в развитии мусульманской историографии Дагестана.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования являются научные принципы, применяемые при изучении явлений экономической, общественно-политической и культурной жизни – историческая объективность, системность, позволяющие рассматривать исторические события в развитии, во взаимосвязи причинно-следственных отношений.

Для сбора и первичного анализа источников применялись методы полевой археографии. Под этим понимается сбор материала в процессе археографической работы в частных и мечетских рукописных собраниях в различных районах Дагестана, а также анализ нового материала в виде не введенных в научный оборот и неисследованных до сих пор рукописей, писем и других работ, написанных реформаторами. Кроме того, мы использовали интервью среди старожилов, предоставивших ценные сведения по исследуемой

проблеме. Это позволило глубже изучить исследуемую проблему. Благодаря собранному полевому археографическому материалу автору диссертации удалось выявить и систематизировать типологические особенности дагестанского обновленчества первой трети XX в.

Для последующего синтеза обнаруженных материалов, используя принцип объективности, диссертант ориентировался на привлечение к исследованию разнообразных по происхождению и информативному содержанию исторических источников. Только совокупное изучение социально-политических, экономических и моральных факторов дагестанского общества (*уммы*) помогает восстановить достоверную картину недавнего прошлого.

С учетом достижений современной методологии в работе используются также общенаучные и специально-исторические методы исследования: метод аналитического описания источников на восточных языках, а также историко-системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, проблемно-хронологический методы. Анализ историографического материала делается на основе хронологического метода.

Историко-системный метод направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей, а также динамических изменений.

С помощью сравнительно-исторического метода выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Давая комплексную характеристику дагестанского реформаторства как одной из форм джадидизма, в работе выделяются отличительные особенности дагестанского реформаторства в сравнении с джадидизмом в других мусульманских регионах Российской империи: Крыму, Волго-Уральском регионе, Центральной Азии и на Кавказе.

Структурно-функциональный метод помогает проследить причинно-следственные связи между социальными фактами в контексте взаимоотношений общества, его структур и индивидов.

Проблемно-хронологический метод позволил рассматривать избранную для диссертационного исследования проблему в рамках авторской концепции и хронологической последовательности.

Комплексное использование указанных методов при анализе фактических данных дало возможность многосторонне и комплексно раскрыть поставленную в диссертации проблему.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы теоретического и практического характера.

Теоретическая значимость работы:

– многоуровневая концепция нового восприятия и развития ислама, разрабатывавшаяся на протяжении более трех десятков лет сравнительно небольшой когортой представителей дагестанской мусульманской интеллигенции, сыграла исключительно важную роль в формировании

новомировоззрения в мусульманской среде, что, в свою очередь, способствовало росту национального самосознания дагестанских, и шире, северокавказских народов, и привело к поиску новых моделей социально-политической жизни первых десятилетий XX в.

Практическая значимость работы:

Материалы исследования могут быть использованы:

- при подготовке и чтении спецкурсов в государственных высших учебных заведениях;
- при подготовке научных трудов и учебных пособий по истории народов Дагестана для общеобразовательных и профессиональных учебных заведений;
- в системе современного мусульманского образования;
- для профилактической работы с нетрадиционными религиозными течениями в исламе.

Внедрение результатов исследования: читаемые спецкурсы.

Материалы и источники по мусульманскому просветительству Дагестана первой трети XX в. задействованы при подготовке и чтении 5 спецкурсов для студентов факультета востоковедения Дагестанского государственного университета. Результаты исследования были внедрены в учебный процесс: изданы 7 программ и учебно-методических пособий по спецкурсам (общим объемом 8,66 а.л.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Результаты изучения степени разработанности проблемы, источников и методологической базы исследования. Анализ отечественной и зарубежной научной литературы, и других источников позволил установить недостаточную разработанность заявленной темы, выявить острые дискуссионные проблемы, требующие своего решения не только для научных выводов, но и для выстраивания практики взаимоотношений государства и религии, в частности, применительно к Северному Кавказу.

Обоснованы основные положения концепции джадидизма и мусульманского реформаторства Дагестана первой трети XX в.:

2. Выявлено, что в Дагестане первой трети XX в. сложились предпосылки и условия для становления и развития мусульманского реформаторства.

Установлено, что в дагестанском реформаторстве одновременно сосуществовали элементы мусульманского реформаторства и джадидизма. Мы считаем мусульманское реформаторство Дагестана первой трети XX в. одной из форм или разновидностей джадидизма XX в.

3. Доказано, что мусульманское реформаторство Дагестана первой трети XX в. имело модернистский и просветительский характер. Идеология реформы (*ислах*) была нацелена на адаптацию мусульман в правовом пространстве российского, а затем и советского государства, для чего дагестанские реформаторы разрабатывали концепцию нового восприятия и развития ислама. Гуманистическая составляющая и направленность были сутью этой концепции

и их деятельности.

Выявлено, что одним из первых и самых важных пунктов по обновлению дагестанского общества (*уммы*) был вопрос реформы исламской школы и воспитания и просвещения молодежи на исламских религиозных и морально-этических принципах.

Новометодные школы с их многоступенчатой системой образования совпали в дальнейшем с политикой советского государства по всеобщему образованию и легли в основу функционирования раннесоветской школы: дагестанские реформаторы, ранее преподававшие в новометодных школах, после их закрытия советским государством были в значительной степени включены в новую советскую образовательную систему.

4. Доказано, что для дагестанских реформаторов на первый план выступал общественный прогресс в науке, культуре, национальной истории, языке, литературе.

Обосновано, что идея «общетюркской мусульманской нации» для Дагестана не была характерна. В условиях многонационального Дагестана реформаторы активно выступали с идеями развития национальных языков. Издание учебной литературы и преподавание на аварском, кумыкском, лакском, даргинском, чеченском и др. языках – просвещало народы Дагестана, способствовало повышению уровня образованности дагестанских народов и одновременно дало толчок развитию национальных языков, литератур и культурных традиций. Эта деятельность реформаторов Дагестана органично вписалась в русло политики «коренезации», ставшей главной линией национальной политики советского государства в 20-х годах XX в.

Опыт написания дагестанскими реформаторами во главе с Али Каяевым критической истории мусульманских народов привел к формированию национальной мусульманской историографии. Научные изыскания Али Каяева и его учеников, особенно М.-С. Саидова (1902–1985), способствовали становлению в 20–30 гг. XX в. дагестанской школы академического востоковедения.

5. Делается обобщение, что дагестанские реформаторы были прагматиками и реалистами. Для реализации своих идей они шли на компромиссы с имперской, а затем и советской властями: с их разрешения наладили выпуск своих периодических изданий, ставших площадками для распространения идей мусульманского реформаторства в регионе. Али Каяев заложил основы дагестанской арабоязычной журналистики.

Констатируется, что дагестанские реформаторы хорошо знали политическую историю ислама и мыслили её категориями, понятиями и образами. Они считали пророка Мухаммада духовным лидером, а халифат – неудачным опытом формы организации политической власти, от которого надлежит отказаться. Будучи противниками провозглашения имамата в Дагестане, они поддерживали принцип разделения светской и духовной власти в исламе: выступали за «мирное сосуществование» в одном государстве власти светской и духовной на демократической основе, с соблюдением норм

шариата. В качестве формы государственного устройства в Дагестане они предпочитали федеративную республику в составе Российского государства.

6. Проанализирован вопрос борьбы дагестанских реформаторов с древними и устаревшими адатами. Проведение постоянной просветительской работы в этом направлении реформаторы считали своей первоочередной задачей.

7. Выявлено, что дагестанские реформаторы пытались найти решение, в том числе, и «женскому вопросу». В диссертации прослеживается как эволюция взглядов самих реформаторов в «женском вопросе», так и картина эмансипации дагестанской женщины в досоветский и начальный советский периоды – обретение ею равных прав семье и обществе, реализация права на образование, получение профессии, избирательных прав и т.д.

8. Установлено, что теоретические дискуссии об *иджтихаде* и *таклиде* в Дагестане были тесно связаны с практическим применением норм исламского права в Дагестане. Все обсуждения *таклида* и *иджтихада* в Дагестане основывались на допустимости различных уровней *иджтихада* в рамках шафиитского *мазхаба*. Для них *иджтихад* служил средством адаптации шариата в бурно меняющемся мире в интересах мусульманской общины.

Выявлено, что достаточно большое количество вопросов по правовой тематике обсуждалось в рукописях, полемических статьях и на страницах мусульманской периодической печати позднего имперского и раннего советского периодов, вплоть до конца 1920-х годов. Это были, в том числе, и те правовые вопросы, на которые давал ответы Гасан Алкадари в своем сочинении «Джираб ал-Мамнун». Мы наблюдаем здесь преемственность в развитии взглядов Гасана Алкадари.

9. Сделан вывод, что материалы диссертационного исследования по вопросам *иджтихада* и *таклида*, правовой и богословской тематике (*фикху*, суфизму, культе святых в исламе и др.) опровергают мнение некоторых зарубежных исследователей о том, что ислам в изучаемый период растворился в советских преобразованиях и перестал играть какую-либо существенную роль в жизни советских мусульман. Исламский дискурс занимал ведущее место в жизни мусульман Дагестана первой трети XX в. С начала 90-х годов XX в. и по настоящее время мы наблюдаем возобновившиеся с новой остротой дискуссии по тем же самым вопросам.

10. Установлено, что дагестанские реформаторы первой трети XX в. выступали против ваххабизма. Их деятельность имела прямо противоположное направление развития и конечную цель по сравнению с ваххабитами, равно как и разную стратегию и тактику её достижения: она направлена в настоящее и будущее, а ваххабиты же ориентированы на прошлое.

11. Делается вывод, что дагестанские реформаторы первой трети XX в. привнесли в исламскую историографию Дагестана идею умеренного ислама, родоначальником которой по праву был ученый и просветитель Гасан-эфенди Алкадари, заложивший основы дагестанского реформаторства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования:

1. **Достоверность результатов** исследования обеспечена достаточным для обоснования теоретических положений фактическим материалом, полученном на основе изучения и анализа источников на арабском и дагестанских языках, сосредоточенных в Научном архиве и Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН, частных и мечетских рукописных собраниях, а также материалах археографических экспедиций отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН в различных районах Республики Дагестан.

Обоснованность положений диссертации подтверждается публикациями результатов исследования в различных научных изданиях, в том числе в рецензируемых журналах, входящих в Перечень ВАК и индексируемых в МБНД Scopus.

2. **Апробация результатов** исследования на различного уровня конференциях, круглых столах, учебных модулях и семинарах.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Она состоит из **Введения, четырех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы и Приложения.**

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются степень её научной разработанности, даётся обзор исследований джадидизма в советской и российской историографии; объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи, методологическая и источниковая базы, формулируются научная проблема и её новизна, теоретическая и практическая значимость работы и основные положения, выносимые на защиту, степень достоверности и апробация результатов, а также список основных публикаций и выступлений диссертанта по теме исследования на различных форумах.

Первая глава «Мусульманское просветительство Дагестана первой трети XX века: его истоки и суть, предпосылки, причины зарождения и распространения; вопросы ваххабизма и взаимоотношения реформаторов с официальной властью» состоит из четырех параграфов.

В **первом параграфе** «Проблемы мусульманского реформаторства и джадидизма и его критика в трудах советских, российских и зарубежных исследователей» – завершение историографического обзора, начатого во введении: обзор исследований по джадидизму в зарубежной историографии и Дагестане, делаются некоторые выводы по работам, посвященным истории мусульманского реформаторства и джадидизма в мусульманских регионах Российской империи (Крыму, Волго-Уральском регионе, Центральной Азии и на Кавказе), а также концептуализация понятий «джадидизм» и «мусульманское реформаторство».

Во **втором параграфе** «Мусульманское просветительство как

содержание идеологии дагестанского реформаторства первой трети XX века» диссертант делает вывод, что дагестанское реформаторство первой трети XX в. имело просветительский характер. Дагестанские реформаторы, исходя из своего понимания национальных интересов, разработали и поэтапно претворяли в жизнь концепцию нового восприятия и развития ислама в целях мирной адаптации мусульман Дагестана в составе России в позднеимперский период, а затем в первые годы Советской власти, составляющие которой мы подробно рассматриваем ниже в соответствующих главах исследования.

В этом же параграфе даются некоторые аспекты просветительской деятельности реформаторов Дагестана первой трети XX в., подготовившие почву для становления и развития мусульманского просветительства в Дагестане и на всем Северном Кавказе в последующий период.

Здесь же сообщается и в соответствующих главах работы на примере краткого анализа некоторых правовых вопросов из сочинения «Джираб ал-Мамнун» показывается, что Гасан Алкадари осторожно использовал элементы *иджтихада*, что и сделало его предшественником дагестанских реформаторов, заложившим основы дагестанского реформаторства.

В третьем параграфе «Дагестанские реформаторы и вопросы ваххабизма» дается сходство и различие взглядов дагестанских реформаторов и ваххабитов. Многие в Дагестане отождествляют их взгляды. В своих работах дагестанские суфийские шейхи советского периода называли своих оппонентов из числа реформаторов «ваххабитами», относя к ваххабизму все, что выходило за рамки традиционного для Дагестана шафиитского мазхаба. Дагестанские реформаторы первой трети XX в. выступали противниками ваххабизма.

Четвертый параграф «Взаимоотношения дагестанских реформаторов с официальной властью в имперский и ранний советский периоды». Дагестанские реформаторы продвигали свои идеи, находясь в оппозиции представителям традиционного ислама, которые в количественном отношении и по своему влиянию значительно превосходили их. Круг и прослойка людей, кому могли быть доступны идеи реформаторов, был также достаточно ограничен. Реформаторам еще предстояло создавать свою аудиторию.

В имперский период дагестанские реформаторы не участвовали в политической жизни. Над краем в условиях жесткого контроля царской администрации было установлено военное управление. Среди других объективных причин слабой политической активности дагестанских реформаторов были и социально-экономические условия региона: на Северном Кавказе экономика только восстанавливалась после войн и восстаний XIX в.

Активизацию и оживление политической деятельности дагестанских реформаторов мы наблюдаем только в ходе подготовки выборов в Учредительное собрание Дагестана и, особенно, после победы Октябрьской революции 1917 г., когда Советской властью реформаторам были гарантированы религиозные свободы, хотя на практике никому ничего не

гарантировалось, напротив, к концу 1920-х была развязана настоящая антирелигиозная кампания.

Вторая глава «Вопросы реформы образования мусульманской школы, женской эмансипации и критика адатов как важные составляющие мусульманского просветительства в Дагестане (начало – первая треть XX в.)» состоит из **трех параграфов**.

Первый параграф «Образование и просвещение» посвящается одному из важнейших аспектов деятельности реформаторов – реформе образования в исламской школе. Для дагестанских реформаторов вопрос реформы образования в *мактабах и мадрасах*, а также воспитания и просвещения молодежи на исламских религиозных и морально-этических принципах был одним из самых первых пунктов по обновлению общества (*уммы*) в новых исторических условиях переходного периода. Идеи и практические наработки дагестанских реформаторов в области реформы образования первой трети XX в. совпали в дальнейшем с политикой советского государства по всеобщему образованию и легли в основу раннесоветской школы.

Рассматривается вопрос выбора одного из трех языков в качестве языка обучения в исламской школе: арабского, тюркского или русского. Этот вопрос занимал особое место в вопросе реформы исламского образования для дагестанских мусульманских реформаторов. В новометодных школах начальное обучение велось на родных языках, для чего были разработаны учебники на национальных языках с использованием арабской графики. В старших классах постепенно переходили на арабский язык.

Деятельность дагестанских реформаторов по изданию учебной литературы и преподаванию на национальных языках – кумыкском, аварском, лакском, даргинском и чеченском и других – способствовала просвещению народов Дагестана, способствовала повышению уровня их образованности и одновременно дала мощный толчок развитию национальных языков, литератур и культурных традиций.

О прикладном характере изучаемых наук: так астрономия имела важное значение в повседневной жизни дагестанцев. Дагестанские ученые-просветители Муртада-али ал-Кудали (1873–1937), Али Каяев, Мухаммад Дибиров (1875–1929) и др., будучи продолжателями традиций астрономической науки в Дагестане, ставили задачу повышения общего кругозора рядовых дагестанских мусульман в вопросах астрономии, информировали и консультировали их на страницах «Джаридаат Дагистан», давали практические рекомендации по определению ориентации на *киблу*, определению начала и окончания месяца поста в месяц рамадан, времени совершения молитв и др. насущным практическим вопросам. Тем самым, они приближали решение одной из важнейших практических задач по обновлению и реформе исламского образования в *мактабах и мадрасах* Дагестана первой трети XX в.

Также в этом параграфе говорится о значении знаний по медицине и другим естественным наукам в мусульманском обществе. Дагестанские реформаторы придавали важное значение профилактике здорового образа

жизни, которые должен соблюдать каждый человек. Они публиковали современные научные достижения в этой области в научном разделе «Джаридат Дагистан».

Подчеркивается важность изучения хадисов. Али Каяев как ученый, реформатор-просветитель и педагог придавал большое значение хадисам, считая их важным источником знаний об исламе. Он также публиковал их на страницах «Джаридат Дагистан».

Дагестанские реформаторы отводили особое место истории как науке и подчеркивали её роль в формировании личности. Для реализации этой задачи в рубрике «Научный раздел» помещались статьи по основам истории и истории ислама, истории Дагестана, истории философии.

Опыт написания критической истории мусульманских народов дагестанскими реформаторами во главе с Али Каяевым приводят к формированию национальной мусульманской историографии, национальной концепции истории народов Кавказа, где главными действующими лицами истории выступают сами мусульманские народы, в частности, народы Дагестана.

Научные изыскания Али Каяева и его учеников, особенно М.М.-С. Саидова, способствовали становлению дагестанской школы академического востоковедения.

Изучение и популяризация географических знаний занимало важное место в обновлении программы исламской школы. Дагестанские реформаторы считали географию важным предметом для повышения кругозора и общего развития учащихся. Этой теме посвящено более 30 статей Али Каяева, опубликованных в «Джаридат Дагистан».

Обзоры истории арабской литературы и её периодизация от Аббасидов до настоящего времени, статьи о развитии прозы и поэзии в этот период, статьи на нравственную тематику, арабские и турецкие пословицы и поговорки и другие материалы, опубликованные на страницах арабоязычных периодических изданий – газеты «Джаридат Дагистан» и журнала «Байан ал-хака'ик», были направлены на формирование кругозора и высоких нравственных качеств дагестанских мусульман, способствовали расширению их кругозора и повышению общего культурного уровня.

Все эти материалы после их публикации в периодической печати предназначались для использования в качестве учебных пособий в дагестанских новометодных *мактабах и мадрасах*.

Второй параграф «Дагестанские реформаторы и «женский вопрос» посвящен вопросу эмансипации дагестанской женщины в изучаемый период. Будучи глубоко и всесторонне эрудированными и энциклопедически образованными представителями традиционной школы, дагестанские реформаторы выступили против культурной отсталости, невежества и религиозного консерватизма в вопросе воспитания и образования женщин.

Третий параграф «Критика устаревших адатов в деятельности дагестанских реформаторов». Понимая живучесть и пагубность изживших себя

адатов, степень их воздействия на мусульман, дагестанские реформаторы постоянно публиковали материалы по этой теме на страницах «Джаридат Дагистан», вели просветительскую работу в этом направлении.

Третья глава «Правовые аспекты мусульманского просветительства в Дагестане» состоит из двух параграфов:

Первый параграф «Таклид и иджтихад». Для дагестанских реформаторов было характерно стремление к адаптации шафиитской правовой системы к российской действительности в период интеграции народов Кавказа в Российскую империю. С другой стороны, усиление контактов северокавказских мусульман-шафиитов с мусульманами-ханафитами, обусловленные ссылкой во внутренние районы Российской империи, а также выездом с целью заработка или учебы, где они плотно контактировали с мусульманами Волго-Уральского региона, требовало обсуждения и дальнейшего развития религиозно-правовых принципов *таклида и иджтихада*.

Второй параграф «Вопросы фикха». Дагестанские реформаторы, понимая важность и актуальность правовых вопросов для формирования мировоззрения дагестанцев, в своих сочинениях и через органы периодической печати разъясняли вопросы мусульманского права (*фикха*). Наиболее часто обсуждаемые реформаторами правовые вопросы были следующие:

1.О правильном использовании вакфов. В вопросе продажи вакфа, Гасан-эфенди Алкадари, как сторонник *таклида (мукаллид)* и Али Каяев, ссылаясь на Коран и Сунну, а также «*иджма*» и «*кийас*», как реформатор и *муджтахид* приходят к выводу о разрешенности его продажи в правильных целях, которые имеют длительность и непрерывность.

2.Уплата заката с бумажных денег. В решении этого вопроса Гасан-эфенди Алкадари как *мукаллид*, а также как Али Каяев и реформаторы, опираясь на Коран и Сунну, а также *иджма* и *кийас*, будучи реформаторами-обновленцами и *муджтахидами*, приходят к одинаковым по содержанию выводам.

3.Об определении размера *махра* и практике завышения его. Дагестанский ученый, реформатор и просветитель Назир ад-Дургили писал, что в назначении размера *махра* есть очевидная польза. По его мнению, сподвижники Абу Ханифы говорили, что богатые люди стали непомерно увеличивать размер *махра*, так что *кадии* нашли выход только в установлении размера *махра*.

4.О запрете изображения человека в исламе. Али Каяев писал, что шариат устанавливает твердый запрет на изображения людей, однако он не запрещает их, если в этом есть польза для них. Им публикуется статья шейха Мухаммада Абдо, где он пишет, что шариат далек от того, чтобы запретить изображения человека в виде рисунков, портретов и памятников – как одного из наилучших средств познания, считая, что, в них нет никакой опасности для мусульманской религии ни с точки зрения теории, ни с точки зрения практики. Главный редактор журнала «Байан ал-хака'ик» Абусуфьян Акаев разделяет

точку зрения Мухаммада Абдо в этом вопросе и в знак солидарности помещает свою фотографию в начале статьи.

5. О разводе (*талак*). Дагестанские реформаторы во главе с Али Каяевым и его ученики были последователями египетских реформаторов в вопросе трехкратного произнесения формулы развода (*талак*). В вопросе *талака* Али Каяев и его ученики пытались дать новое, несколько произвольное толкование вопросу мусульманского развода, объясняя это недостаточной информированностью рядовых мусульман в этом вопросе и расходились с точкой зрения Гасана Алкадари и с общепринятым мнением представителей традиционного ислама в Дагестане, заключающемся в том, что произнесение три раза формулы *талак*, будь это одновременно или раздельно, влечет собой аннулирование брака.

6. О повторении полуденной молитвы после пятничной в Дагестане. Интересна трактовка этого вопроса с точки зрения последователя *таклида* Гасана-эфенди Алкадари в его работе «Джираб ал-Мамнун». Гасан-эфенди Алкадари предпочитает решить этот вопрос согласно *таклиду*. Аргументация и доказательная база дагестанских реформаторов, помимо цитирования факихов, сводится к тому, есть ли упоминание или какое-либо высказывание по этому вопросу в Коране и Сунне. Для реформаторов, решающим была апелляция к Корану и Сунне, хотя, они и в этом вопросе являются последователями Гасана-эфенди Алкадари.

7. Об особенностях чтения хутбы в Дагестане. Этот вопрос также активно обсуждался читателями и реформаторами на страницах «Джаридат Дагистан» и «Байан ал-хака'ик». Они отмечали, что хутба имеет две стороны. Одна – упоминание и приветствие, вторая – увещевание, наставление. Первую ее часть, по их мнению, разрешается читать по-арабски, даже если присутствующие не знают этого языка и не понимают смысла проповеди. Здесь тот случай, когда непонимание смысла упоминаний и приветствий не вредит. Однако основная цель хутбы, считали они, это наставление, и нельзя читать ее иначе, как на языке собравшихся, так как наставление достигает цели при понимании смысла.

8. Особенности поста (*саум*) в исламском культе. Али Каяев разъяснял, что Аллах установил пост и сделал его общей обязанностью в культе мусульман не только ради измора их голодом и водой, а установил его для знания сокровенного, высоких целей, смысла и интересов людей. Также он писал, что пост побуждает постящегося человека к состраданию бедным и несчастным.

Гасана-эфенди Алкадари, будучи *мукаллидом*, при ответе на правовые вопросы осторожно применял методологию *иджтихада*. Его юридические умозаключения подготовили почву для развития идей исламского модернизма в Дагестане в первой трети XX в.

Глава четвертая «Суфизм в риторике мусульманских реформаторов Дагестана» состоит из трех параграфов.

Первый параграф «О суфизме и суфиях первой трети XX в.». Дагестанские реформаторы первой трети XX в., положительно относясь к суфизму в целом, считали, что «суфизм в последние века оказался в ведении людей невежественных, их любовь к Аллаху есть не что иное, как стремление к высокому положению, деньгам, славе среди людей». Современные суфии, по их мнению, не сведущи ни в Коране, ни в Сунне, ни в истории, ни в богословских науках». По мнению реформаторов, это стало причиной застоя наук.

Рассматривается вопрос законности тарикатской деятельности с точки зрения шариата.

Вопрос «лжешейхства» в тарикате: взгляды дагестанских ученых-богословов и суфийских шейхов и реформаторов в критике лжешейхства в этот период по многим аспектам совпадали. Дагестанские реформаторы выступали за очищение и возрождение классического суфизма. Однако они резко критиковали отдельных лжешейхов или шейхов самозванцев, которые, в силу своей невежественности и стремления к личному обогащению, приносили в него порицаемые нововведения (*бид'а*), противоречащие сути шариата и тем самым дискредитирующие суфизм как течение в исламе.

Дагестанские реформаторы выделяли и критиковали такие элементы суфийской ритуальной практики, как *таваccул* и *истигаса*, *рабиту*, так как при совершении этих действий суфий воссоздает в своем сердце образ шейха, что приравнивалось ими к идолопоклонству и многобожию. Не отвергая *зикр* как ритуальное действие в целом, дагестанские реформаторы критиковали и *зикр*, если он исполнялся в качестве элемента суфийской ритуальной практики. Другая же немногочисленная часть реформаторов, резко осуждая нововведения невежественных лжешейхов, доходила до полного отрицания легитимности суфизма как течения в исламе.

Второй параграф «Празднование *маулида* в Дагестане». По мнению дагестанских реформаторов, *маулид* – праздник, посвященный Пророку Мухаммаду, который заслуживает почитания и уважения и не запрещается празднование его, если он проводится в рамках шариата и исламской этики.

Третий параграф «О культе святых в исламе». Вопрос чудотворства святых или *карамат* являлся одним из пунктов противоречий между суфиями и реформаторами Дагестана первой трети XX в. Дагестанские реформаторы считали ложной способность шейхов совершать «чудотворства», «необычные деяния» (*карамат*). Дагестанских реформаторов отличал рационалистический подход к восприятию явления в целом. Они выступали против культа святых в исламе, считая это возрождением языческих традиций.

Другим вопросом противоборства был вопрос посещения могил святых и праведников (*зийара*). Положительно относясь к посещению могил, считая, что *зийара* является одним из предписаний ислама, реформаторы были против организации празднеств на них, а также проведения суфийских практик и

представлений в этих местах, исключая, таким образом, практику суфийской *зийара* из числа утвердившейся в народе традиции посещения могил.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, главные из которых мы сформулировали как положения, выносимы на защиту.

В **Приложении** даются выборочные переводы с арабского на русский язык некоторых статей из газеты «Джаридат Дагистан» и журнала «Байан ал-хака'ик», выполненные диссертантом.

Основные положения и выводы диссертации отражены, в том числе, в следующих публикациях:

Перечень основных публикаций

Научные результаты, изложенные в диссертационном исследовании, отражены в более чем 90 публикациях объемом более 85 а.л., в том числе 19 публикациях в научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, 3 монографиях, более 80 публикациях РИНЦ, более 45 иных публикациях, 7 программах и учебно-методических пособиях по спецкурсам, а также апробированы на 21 научном мероприятии, в том числе 13 международных и 3 всероссийских конференциях, 1 международном круглом столе, 1 всероссийском учебном модуле и 3 семинарах.

1. Публикации в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России (15,8 а.л.):

1. *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагистан» – (1913–1918): первая газета мусульман Кавказа на арабском языке // Восток (ORIENS). Афро-Азиатские общества: история и современность, 2010. № 1. С. 71–79. 1 а.л.
2. *Наврузов А.Р.* Мухаммад Абдо о запрете изображений человека в исламе (по материалам арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик») // Исламоведение, 2010. №2 (4). С. 21–26. 1 а.л.
3. *Наврузов А.Р.* «Байан ал-хакаик» – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века // Исламоведение. 2011. №3 (9). С. 82–93. 1 а.л.
4. *Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р., Гапуров Ш.А.* Арабоязычные рукописи по суфизму и догматике в контексте развития исламских наук на Северо-Восточном Кавказе в XVII–XIX вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. №1(44). С. 66–72. Личный вклад – 0,3 а.л.
5. *Наврузов А.Р.* Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» (1913–1918)) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. №18 (2). С. 371–387. 1 а.л.
6. *Наврузов А.Р.* Критика «лжешейхства» в работах дагестанских реформаторов-просветителей первой трети XX в. (по материалам арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик» (1925–1928)) // Исламоведение. 2022. Т. 13. №3 (53). С. 98–109. 1 а.л.
7. *Наврузов А.Р.* Северокавказские реформаторы-просветители первой трети XX века и некоторые вопросы религиозного культа // Проблемы востоковедения. 2022. №4(98). С. 84–91. 1 а.л.
8. *Наврузов А.Р.* Исламские культурно-просветительские общества,

типографии, национальная пресса и мусульманское просветительство на Северном Кавказе первой трети XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 1. С. 67–83. 1 а.л.

9. *Наврузов А.Р. Тавассул, истигаса и рабита* как элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века // Исламоведение. 2023. Т. 14. №1 (55). С. 5–16. 1 а.л.

10. *Наврузов А.Р.* Реформаторская пресса Северного Кавказа первой трети XX в. (по материалам газеты «Джаридат Дагистан») // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2023. №4(63). С. 50–55. 1а.л.

11. *Наврузов А.Р.* Гасан эфенди Алкадари как предтеча дагестанских реформаторов-просветителей // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 691–702. 1 а.л.

12. *Наврузов А.Р.* Правовые аспекты мусульманского просветительства первой трети XX в. на Северном Кавказе // Вестник ЯрГУ. 2023. № 2. С. 43–51. 1а.л.

13. *Ханмурзаев И.И., Наврузов А.Р.* Надмогильные стелы членов семьи и ближайших мюридов Ташава-Хаджи ал-Индири как исторический источник // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. №3. С. 635–675. Личный вклад – 0,5а.л.

14. *Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р.* Исследование джадидизма в советской и российской историографии // Ислам в современном мире. 2023. № 4. С.121–140. Личный вклад – 0,5 а.л.

15. *Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р.* Зарубежная историография о джадидизме // Ориенталистика. 2024. №7(1). С. 9–26. Личный вклад – 0,5 а.л.

16. *Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш.* Историография и источниковедение джадидизма в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. №2. С. 228–242. Личный вклад – 0,5 а.л.

17. *Наврузов А.Р.* Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. // Ориенталистика. 2024:7 (4-5):743-757. 1а.л.

18. *Наврузов А.Р.* *Иджтихад и таклидв* деятельности дагестанских реформаторов первой трети XX в. – мнения «за» и «против»/ Исламоведение. 2024. Т. 15. №3 (61).С. 48–57. 1 а.л.

19. *Далгат Э.М., Наврузов А.Р.* Частная жизнь в дагестанском ауле во второй половине XIX – начале XX вв. глазами современников // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. №4. С. 812-822. Личный вклад – 0,5 а.л.

II. Монографии (31а.л.):

1. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» (1913–1918) как историко-культурный памятник. Махачкала: Эпоха, 2007. – 212 с. 12 а.л.

2. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов (Ислам в России и Евразии). М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240 с. 13 а.л.

3. Шихалиев Ш.Ш., Наврузов А.Р. Али Каяев и Сайфулла-кади Башларов: история двух ученых-богословов. Махачкала, 2018. – 205 с. Личный вклад – 6 а.л.

III. Публикации РИНЦ (более 80):

1. Наврузов А.Р. Джаридат Дагистан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. слов. РАН. С.-Петерб. фил. Института востоковедения; Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Москва, 2003. С. 27-29.
2. Наврузов А.Р. Суфийский трактат дагестанского ученого Ильяса ал-Цудакари (из Цудахара)» Суллам ал-мурид (Ступени мурида) // Суфизм на Кавказе: история, традиция и изучение. Материалы международной научной конференции. Махачкала. 2007. С.27-28.
3. Наврузов А.Р. Али Каяев – последний энциклопедист Дагестана // Дагестанские святыни. Ответственный редактор Шихсаидов А.Р. Книга 1. Махачкала. Эпоха. 2007. С.162-185.
4. Наврузов А.Р. Исламские вузы постсоветского Дагестана и международные образовательные сети // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 2007-10(184). С.55-72.
5. Наврузов А.Р. Духовное наследие мусульманских просветителей в газете «Джаридат Дагистан» (1913-1918) и журнале «Байан ал-хакаик» (1925-1928) // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала. 2008. С.199-204.
6. Наврузов А.Р. Вопросы идеологического противостояния представителей традиционного ислама и салафитов в Дагестане в постсоветский период и пути и способы их разрешения // Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Под редакцией А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. Махачкала. 20-21 ноября 2008. Т.1. С.526-534.
7. Наврузов А.Р. Вопросы мусульманского просветительства в газете «Джаридат Дагистан (1913-1918)» и журнале «Байан ал-хака'ик (1925-1928)». Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2008. № 1 (13). С. 43-50.
8. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» (1913-1918) и письмо кадия Сайфуллы Башларова об исполнении норм шариата // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского ученого, суфийского шейха, известного общественно-политического деятеля Сайфуллы-кади Башларова Махачкала, 25-26 апреля 2008 года.
9. Наврузов А.Р. Законы конфедераций XVII-XVIII вв. Келебские адаты. (Введение, пер. и коммент. М.Д. Саидова под ред. А.Р. Наврузова) // «Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V - начала XX в.». Сер. Ислам в России и Евразии. Т. 2. В царской и ранней советской России. Составитель и ответственный редактор В.О. Бобровников. М., Издательский дом Марджани, гл. 5. 2009. С. 79 -117.
10. Navruzov A.R. Islamic education in Post-Soviet Daghestan / Islam and Sufism in Daghestan. Helsinki, 2009. С. 147-162.

11. Наврузов А.Р. Проблема шейхства и «лжешейхства» в тарикате // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатских - Кавказских чтений 2008-2009 гг. К 100-летию Л.И. Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. Кунсткамера. Санкт-Петербург. 2009. С.354-356.
12. Наврузов А.Р. Празднование маулида в Дагестане (по материалам газеты «Джаридат Дагистан») // В сборнике: Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова. 2010. С. 297-298.
13. Наврузов А.Р. Зияющие высоты: проблемы высшей исламской школы в постсоветском Дагестане / Дагестан и мусульманский Восток: сборник статей к 80-летию А.Р. Шихсаидова. Сер. «Ислам в России и Евразии». Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., Издательский дом Марджани. 2010. С.150-164.
14. Бобровников В.О., Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш. Исламское образование в советском Дагестане (конец 1920-х-1980е гг.) // Рах Islamica. 2010. № 1 (4). С. 72-94.
15. Бобровников В.О., Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш. Исламское образование в Дагестане от "перестройки до наших дней" // Рах Islamica. 2010. № 2 (5). С. 137-158.
16. Наврузов А.Р. О языке чтения маулида (на материале публикаций в арабоязычном журнале "Байан ал-хака'ик" (1925-1928) // Духовная литература: аспекты изучения. Материалы Международной научной конференции. 2011. С.287-290.
17. Наврузов А.Р. "Байан ал-хака'ик" - печатный орган ученых арабистов Дагестана первой трети XX в. // Рах Islamica. 2011. № 2 (7). С. 18-27.
18. Наврузов А.Р. Духовный журнал ученых арабистов Дагестана «Байан ал-хака'ик (1925 - 1928)» и вопрос иджитхада / Исламская цивилизация и современный мир. Международная научно-практическая конференция 13 октября 2011г. Махачкала. 2012. С.267-271.
19. Наврузов А.Р. Роль арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик» в распространении исламского просветительства в Дагестане (первая треть XX в.) // В сборнике: Всероссийская научная конференция "Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя и взгляд извне". 2012. С. 272-283.
20. Наврузов А.Р. Байан ал- хака'ик (1925 - 1928) – духовный журнал ученых арабистов Дагестана // Дагестанские святыни. Махачкала, 2013. С. 147-174.
21. Наврузов А.Р. Дискуссии об иджитхаде и таклиде среди дагестанских улемов первой четверти XX в. // Рах Islamica. 2013. № 2 (11). С. 31-38.
22. Наврузов А.Р. Журнал «Байан ал-хака'ик» (1925-1928) и статьи о реформе исламского образования в Дагестане // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 58. С. 71-75. и др.